

А.О. Муртазаев

РОЛЬ КАЙТАГА В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ ДАГЕСТАНА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

В начале XVIII в., как и в предыдущие времена, Кайтагское уцмийство должно было играть значительную роль в политических процессах, происходивших не только в Дагестане, но и на Северо-Восточном Кавказе. Заметно возросла роль Кайтагского уцмийства в период антииранского восстания 1707–1721 гг. в Азербайджане и Дагестане и в период Каспийского похода Петра I. В это время также интенсивно развивались политические взаимоотношения Кайтагского уцмийства с государственными образованиями Дагестана.

Как известно, одно из первых крупных антииранских восстаний произошло в 1707 г. в Джаро-Белоканских вольных обществах, которое было поддержано их соседями цахурами. Восстание было жестоко подавлено, при этом с. Джар было полностью сожжено (Хроника войн Джара в XVIII столетии. 1931. С. 9). В 1709 г. произошло вооруженное столкновение между войсками ширванского беглярбека и повстанческими отрядами (Магомедов Н.А., 1998. С. 45).

В 1710 г. начались волнения в Кайтаге. Во главе Кайтагского уцмийства в это время находился энергичный и решительный уцмий Ахмед-хан. Он проявил готовность принять самое активное участие в борьбе за изгнание кызылбашей с Кавказа. Одним из побудительных мотивов была и его вражда с кубинским Султан-Ахмед-ханом (Бакиханов А.-К., 1991. С. 122–123). Став во главе восставших, Ахмед-хан придавал восстанию исключительно антииранский характер. Уцмий Ахмед-хан, как писал А.-К. Бакиханов, «... посредством тайных прокламаций старался возмутить жителей Ширвана и вооружить их против Персии» (Бакиханов А.-К., 1991. С. 122–123). «О, жители Мускура! О, жители Ширвана! – говорилось в одной из таких прокламаций. – Я хочу освободить вашу страну от рафизитов (т.е. шиитов. – Авт.). Если вы хотите избавиться от них, пошлите ко мне своих людей для переговоров». Как пишется далее в анонимной хронике, «... те согласились, послали одного из самых благоразумных людей по имени Хаджи-Дауд. Хаджи-Дауд прибыл к Ахмед-хану-усуми, и они начали переговоры» (О борьбе дагестанских горцев против иранских завоевателей. Анонимная хроника. М., 1993. С. 195).

На наш взгляд, этот факт говорит о многом и, в первую очередь, красноречиво иллюстрирует особое место и политический вес уцмий Кайтагского на Северо-Восточном Кавказе.

То, что Хаджи-Дауд ездил в Кайтаг для переговоров с уцмием, подтверждается тем же А.-К. Бакихановым: «Хаджи-Дауд Мускурский, духовный учитель, по выбору общества был отправлен к уцмию, с которым был обсужден и составлен план всеобщего восстания» (Бакиханов А.-К., 1991. С. 122–123). Во время пребывания в Дагестане Хаджи-Дауду удалось склонить на свою сторону и Сурхая, казикумухского халклавчи, человека энергичного и сильного (Алиев Ф.М., 1975. С. 23). Вернувшись на родину, Хаджи-Дауд провозгласил, что он призван Аллахом избавить правоверных суннитов от тирании искажителей и врагов ислама – шиитов (Гербер И.-Г., 1958. С. 95). Этот призыв нужен был ему для того, чтобы под-

нять и сплотить широкие народные массы.

Посланному от астраханского губернатора курьеру Хаджи-Дауд заявил, что «он, конечно, отберет города у персиян (а именно Дербент и Шемаху) и что имеем де намерение согласитца с шамкалом и с усмеем, и чтоб от Куры реки до города Дербени очистить и кызылбаш бы де выгнать всех вон» (Цит. по: *Лысцов В.П.*, 1951. С.105). Хаджи-Дауд хотел поднять против персидского господства двух наиболее сильных горских владельцев – шамхала Тарковского и уцмья Кайтагского – и с их помощью очистить от персов побережье от города Дербента до реки Куры.

В 1711 г. восстание против иранских властей снова началось в Джаро-Белоканских обществах, а также среди лакцев и народов южного Дагестана. Во главе восставших стоял Хаджи-Дауд. Его поддержал уцмий Кайтага, который отправил к нему отряд под предводительством Муртазали, сына уцмья Амир-Гамзы (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч.2. С. 45). В 1711 г. повстанцы во главе с Хаджи-Даудом и Муртазали «...завладели Шабранским магалом, разгромили его, истребляя попадавших в их руки кызылбашцев, а также разрушили сам город и разграбили имущество населения» (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 71). Ворвавшись в Шабран, они разрушили до основания этот красивый город «с семидесятью соборами и семидесятью кварталами», – говорится в «Истории Азербайджана» (История Азербайджана. 1958. Т. I. С. 29). После этой победы уцмий Ахмед-хан передал кайтагское войско в распоряжение Али-Джорука, который, соединившись с отрядом Хаджи-Дауда и Сурхай Казикумухского, взял крепость Худат – резиденцию кубинского хана. Здесь же был убит и Кубинский хан Султан Ахмед-хан (Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. 1988. С. 31).

В это же время уцмий смог привлечь на свою сторону и акушинцев (*Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 122–123). Уцмий Ахмед-хан, «...набрав из кайтагцев и акушинцев большое войско, которых привлек на свою сторону посредством подарков», осенью 1711 г. уже сам прибыл в Мюшкюрский магал и, как писал Г.-Э. Алкадари, «совместно с Хаджи-Даудом занялся управлением» (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 71). Одновременно из Казикумуха со своим войском прибыл сюда и Сурхай Казикумухский. Пришли также джаро-белаканские и цахурские отряды под предводительством Али-Султана. Теперь повстанцы представляли внушительную силу. В объединенном войске насчитывалось до 30 тысяч человек (*Левиатов И.Н.*, 1948. С. 69).

Объединившись в один мощный отряд, Хаджи-Дауд, Ахмед-хан Кайтагский и Сурхай Казикумухский приступили к активным действиям в Северном Азербайджане. Отряд в 8 тыс. человек, как сообщал А.П. Волынский, «...не только деревни, но и городок Акташ разорили. И притом, видя им от персиян препятія никакого нет, пришли они к Шемахе, около которой в пяти и в четырех милях разорили множество деревень» (Журнал посланника А.П. Волынского 1715–1718 гг. С. 15). О таких же действиях шамхал Адиль-Гирей в письме канцлеру Г.П. Головкину писал: «Казикумухский Сурхай, Дауд-бек Мушкурский и Исмит (уцмий. – Авт.) Кайтагский, все, соединившись, поехали на кызылбашцев и несколько деревень разорили и людей побили, дербентского Солтан-Ахмед-хана и город их взяли» (Письмо кумыкского шамхала Адиль-Гирея... Л. 409).

Осенью 1711 г. Хаджи-Дауд, Сурхай-хан и Ахмед-хан осадили один из главных центров Северного Азербайджана – Шемаху. Встретив сильное сопротивление, они вынуждены были снять осаду, хотя и не оставили намерения захватить ее. Не сумев завладеть городом, Ахмед-хан Кайтагский и Сурхай Казикумухский возвратились в свои владения. «Одновременно с этим, – писал Г.-Э. Алкадари, –

уцмий Ахмед-хан оставил в Кубинском ханстве при Хаджи-Дауде часть своего войска под начальством своего родственника Хаспулата, и таким образом, окончательно подчинил себе Кубинский уезд» (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 71). Весной следующего года уцмий Ахмед-хан снова приступил к сбору войска для похода на Шемаху и известил об этом Сурхай Казикумухского, предлагая ему выступить с войском в кубинский Мюшкюр. Узнав об этом, шах приказал шамхалу Адиль-Гирею, который все еще оставался союзником иранского шаха, предотвратить намечаемое выступление горцев. Адиль-Гирей, выполняя приказ шаха, пригрозил уцмию нападением на его владение в случае, если тот снова пойдет на Шемаху. По этой причине уцмий Ахмед-хан вынужден был остаться в Кайтаге, но отправил часть своего войска к пребывающему в Кубинском ханстве Хасбулату и приказал ему идти на Шемаху вместе с Сурхай-ханом и Хаджи-Даудом (*Гаджиев В.Г.*, 1963. Т. XI. С. 126).

Весной 1712 г. объединенные отряды повстанцев вновь подошли к Шемахе и стали готовиться к длительной осаде крепости. В ходе завязавшегося недалеко от города ожесточенного сражения сефевидские войска под предводительством беглярбека Гасан-хана потерпели полное поражение. Город был взят и разграблен (К истории изгнания иранских захватчиков из Дагестана и Северного Азербайджана. Л. 7).

Вопрос о походе горцев в Шемаху 1712 г. рассматривается по-разному. Одни авторы считают, что Шемаха захватывалась восставшими в 1712 и 1721 гг. (*Бутков П.Г.*, 1869. С. 96; *Бакиханов А.-К.*, 1991. С. 122–123; *Левитов И.Н.*, 1948. С. 69; К истории изгнания иранских захватчиков из Дагестана и Северного Азербайджана. Л. 7; *Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126), другие утверждают, что Шемаха была захвачена повстанцами лишь в 1721 г. (*Алиев Ф.М.*, 1975. С. 23; *Абдуллаев Г.Б.*, 1965. С. 73). Интересно мнение П.Г. Буткова: «Сурхай и Дауд-бек, взбунтовавшись против шаха, вместе производили грабежи и в 1712 г. причинили великие опустошения городу Шемаха. Сурхай и Гаджи Давуд со всеми своими и частью войска Ахмед-хана пошли на Шемаху и с помощью тамошних суннитов, после 15-дневной осады, в 1121 (1712) взяли ее и совершенно ограбили шиитов» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. I. С.96).

Р.М. Магомедов также утверждал, что в 1712 г. восставшие во главе с Чолак-Сурхаем и Хаджи-Даудом осадили Шемаху и после 15-дневной осады взяли ее. Шахский беглярбек Гусейн-хан и его приближенные были убиты. Город подвергся грабежу, от чего пострадали не только иранцы, жившие в Шемахе, но и русские купцы, у которых разграбили товаров на сумму около четырех миллионов рублей серебром (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 318). По мнению В.Г. Гаджиева, весной 1712 г. объединенные отряды горцев во главе с Хаджи-Даудом, Сурхай-ханом и Хасбулатом напали на Шемаху (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126).

О захвате восставшими Шемахи в 1712 г. писал и современник событий русский офицер Ф.И. Соймонов: «В 1712 г. произошедший бунт лезгов и других горских народов, во время которого город Шемахия разграблен, и у некоторых россиян похищены великие капиталы» (*Соймонов Ф.И.*, 1763. С. 31).

В Шемахе Хаджи-Дауд, Сурхай и Хасбулат оставались недолго из-за отсутствия у них единого плана действий, а также из-за противоречий в лагере горцев, существовавших с самого начала их борьбы (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126). Спустя некоторое время повстанцы возобновили свои действия. Они напали на Акташ, Шабран, Низабат, вновь угрожали Шемахе, но потерпели неудачу. В результате 1718–1719 гг. отмечены реваншем шахских властей.

Но начавшееся, казалось бы, восстановление верховной власти Ирана превратилось неожиданно и резко, один из бывших вассалов шаха, правитель Кандагара Мир-Махмуд, начал военные действия против иранского шаха. Мир-Махмуд захватил Хоросан, а затем повел наступление на столицу Ирана – Исфахан (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 52). Теперь уже шах Хусейн нуждался в срочной помощи. Недолгое затишье на Кавказе он принял за покорную лояльность, теперь он обратился к шамхалу Тарковскому и уцмию Кайтагскому и «...прислал значительные суммы денег и подарки, с приказанием собрать как можно более войско и отправиться с ним против Мир-Махмуда» (*Неверовский А.А.*, 1848. С. 9). Капитан И.-Г. Гербер, служивший в Дагестане с 1722 по 1729 гг. и хорошо осведомленный о событиях, происходивших в регионе, также говорил, что шах послал «подарки и деньги к шамхалу и усмею, чтобы оные свои войска собрали и к нему на помощь против Мир-Махмуда прислали» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 95). Сначала вроде бы шахский план стал осуществляться: войска собрали и под начальством хана Казикумухского Сурхая отправили к шаху на помощь (*Комаров В.*, 1867. Кн. 4. С. 564).

Об этом деле узнал Хаджи-Дауд. Он тут же стал рассылать во все концы Дагестана письма с призывом к восстанию против Сефевидов, но на этом не остановился: собрав около 100 воинов дагестанцев разных национальностей, он бросился вдогонку за объединенным войском Сурхая, которое, двигаясь на помощь Ирану, уже вступило в Ширван. Перехватив его, Хаджи-Дауд сумел убедить Сурхая и других руководителей отменить поход в Иран. Адиль-Гирей, судя по его действиям, согласился лишь с тем, что шаха уже не спасешь, а ситуацию следует использовать. Он повернул свое войско к Дербенту и взял город под свой контроль, но при этом заявил, что выполняет договоренность с Ираном, «сберегая этот город для шахова величества», и тем самым застраховал себя от возможности недовольства со стороны Ирана и России (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч.2.С.57). Надо отметить, что незадолго до этих событий в 1719 г. состоялось совещание с участием «Сурхая и многих других», проведенное по инициативе Ахмед-хана на равнине Кафири к северу от Дербента, где среди прочего обсуждались и обстоятельства осады Шемахи (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч.2.С.57). И очень скоро восставшие приступили к реализации намеченных планов, главным из которых был захват Шемахи. Шедшие на помощь шаху Хусейну войска дагестанцев стали нападать на города Ширвана. Первым из городов, к которому подступили отряды повстанцев, был Шабран – один из главных центров Ширвана. В июне 1720 г. город был взят (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 95).

Тем временем повстанцы во главе с Хаджи-Даудом и в союзе с Сурхаем Казикумухским и кайтагскими отрядами нанесли удар по Шемахе. «10 августа 1170 (1721 г.) все эти племена лезгин вместе со своими главарями – Сурхаем, Шамхалом, Исмином (уцмием. – Авт.), Хаджи-Даудом и Али-Султаном, – писал Левиатов, – всем своим могуществом подошли к городу Шемахе и вели в течение восьми дней ожесточенные сражения, взять его не смогли» (*Левиатов И.Н.*, 1948. С.71). Шемаха была взята «во время поста богородицы в среду 1170 г. армянского» (*Левиатов И.Н.*, 1948. С.71). С.М. Соловьев же утверждал, что Шемаха была взята и разграблена 7 августа 1721 г. (*Соловьев С.М.*, 1963. Кн. 9. Т. 18. С. 373).

После взятия Шемахи казикумухский халклавчи Чолак-Сурхай провозгласил себя ханом. Вскоре повстанцы разбили направленные против них войска гянджинского и ереванского ханов, осадили Баку. П.В. Софонов, посланец командира гарнизона крепости Терки, который приехал в Кайтаг в октябре 1721 г., чтобы

принять в аманаты племянника уцмий Ахмед-хана, и по какой-то причине задержавшийся здесь до апреля 1722 г., говорил, что «...уцмий сговорясь с другими князьями, поехал с войском своим в Шахову область для разорения, а именно с табасаранскими владельцами, с Сурхаем, да с Майсумом, да с Дауд-беком» (Доншение Софонова П... Л. 397). То же самое сообщал и А.И. Лопухин в донесении Петру I от 31 июля 1722 г.: «Да они ж, усмий и Дауд-бек, с Кучук-ханом муганским согласясь, ходили нынешнего лета в Аредевиль, которую всю разорили...» (Письмо Андрея Лопухина из Тарков...Л.32). Здесь описан знаменитый поход дагестанских владетелей на земли за Курой и Араксом, включая Сальяны и Ардебиль.

За ходом восстания пристально следили Турция и Россия, каждая из которых намеревалась извлечь максимальную выгоду для себя. Обе державы стремились утвердить свое господство над этим регионом, и очень скоро они начали действовать. Турцией был принят в подданство Хаджи-Дауд и утвержден ханом Ширвана с признанием его власти над всем Дагестаном. Официально об этом было объявлено русскому послу Неплюеву на аудиенции 10 февраля 1722 г. (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 111). Фактически это означало распространение турецкой власти на бывшие владения Ирана на Кавказе. Россия решила начать военный поход, и официальным предлогом был объявлен инцидент с русскими купцами в Шемахе.

Каспийский поход Петра I, известный так же, как Персидский, Кавказский и Закавказский, стал крупнейшим военно-политическим мероприятием в восточной политике России первой четверти XVIII в. (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 55 – 69; *Гасанов М.Р.*, 1995, №2. 21– 25; *Касумов Р.М.*, 1961. С. 21). 18 июля 1722 г. флот Петра I под командованием генерал-адмирала графа Апраксина вышел из Астрахани в Каспийское море. Перед выступлением был обнародован манифест на «татарском, турецком и персидском» языках и отправлен в Тарки, Шемаху и Баку жителям прикаспийских областей. В манифесте указывалось, что подданные шаха – Дауд-бек и Сурхай-хан – восстали, взяли Шемаху и совершили грабительские нападения на русских купцов, причинив России большие материальные убытки и ущемив ее достоинство, как великой державы (*Гасанов М.Р.*, 1997. С. 133). Одновременно с этим на аудиенции турецкому посланнику в Петербурге было также объявлено, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и «не для войны с шахом», а только для «отмщения» той обиды захватившим Шемаху «лезгинским бунтовщикам», и для «получения достойной сатисфакции» (История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1998. С. 413; *Брикнер А.Г.*, 1882. Т. II. С. 564).

Весть о вступлении войск Петра I в Дагестан была встречена радушно за некоторым исключением. Так, в сообщении выходца из Грузии Ф. Георгиева, который пребывал в это время в с. Губден говорилось, что «...после пятничной молитвы, жители говорили меж себя, что Дауд-бек усмен (уцмий. – Авт.) и Сурхай намерены по сю и ту сторону деревни собраться против войск его императорского величества биться и соглашались де о том, что с ними был за одно и Адиль-Гирей шамхал, но он де, Адиль-Герей, с ними в том соглашаться не хотел» (Из допроса выходца из Грузии Ф. Георгиева... Л. 412).

Но зато поход русских войск вызвал сильную тревогу в Османской империи (История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1998. С. 413). Реакция наиболее крупных владетелей Дагестана на появление русских войск была различной. Дауд-бек и Сурхай, опасаясь карательных действий русских властей, стали более активно добиваться покровительства Порты. Однако

та часть владетелей, которая находилась под покровительством России или не участвовала во враждебных действиях, изъявила готовность оказать содействие Петру I (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 59).

Когда же Порта объявила о принятии Хаджи-Дауда в подданство, 27 июля 1722 г. Петр I с основными силами высадился в Аграханском заливе. Тем временем шедшая из Астрахани сухим путем конница также вступила в Северный Дагестан, правда, заодно наказав эндиреевского владетеля, «не изъявившего покорности и, по слухам, даже намеривавшего действовать враждебно». Резиденция эндиреевского владетеля была превращена в «пепел» (*Потто В.*, 1899. С. 25; *Бакиханов А.-К.*, 1926. С.105). Владетели же костековский, аксаевский и шамхал Тарковский выразили свою верность России.

Однако еще 31 июля Петру доставили подробное донесение А. Лопухина, заранее посланного на разведку в эти знакомые места (в 1718 г. он с подарками от шаха проходил сухопутным путем из Дербента в Астрахань). Из Дербента пришли точные сведения, что назначенного здесь шахом султана нет уже больше года: он отбыл в Исфахан, когда в 1720 г. обстановка стала обостряться. Его место занял наиб Имам-Кули-бек, который, как оказалось позже, был потомственным юзбаши, звание это носили его отец и дед. Жители города тогда разделились на две «партии», которые возглавляли два знатных человека: Арслан-бек встал во главе сторонников уцмий и Хаджи-Дауда, а юзбаши – во главе сторонников шамхала (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. I. С. 21). Еще до размолвки уцмий с Хаджи-Даудом юзбаши обратился к Адиль-Гирею с просьбой прибыть в Дербент. Тот прибыл, назначил юзбаши наибом, придав ему «своих людей для охранения». Последнее же время шамхал постоянно жил в Дербенте около двух месяцев, а возвращаясь в Тарки, взял с собою в аманаты брата наиба и «других знатных несколько человек». Но дербентцы были довольны: они сами говорили, что если бы Адиль-Гирей тогда не вступился за них, то Дербент был бы разорен так же, как и Шемаха, а ныне оный город под именем шавкальским» (Письмо дербентского наиба Петру I... 236).

Но отношения Адиль-Гирея с уцмием Ахмед-ханом были натянутые: «Хотя явной ссоры не было, однако ж тайно один другому делают вред» (Донесение дербентского наиба Имам-кули-бека Петру I о положении дел на Восточном Кавказе...Л. 152). Причина этого в том, что сначала уцмий и шамхал договорились вместе идти на Шемаху, а потом уцмий, не ставя его в известность, один присоединился к походу и получил немалую добычу, а шамхал остался ни с чем. Впрочем, и уцмию мало что досталось от его ардебильской добычи: когда люди уцмий везли ее в Кайтаг мимо Дербента, дербентцы как-то узнали об этом и перехватили их, почти все они сумели захватить, да еще и убили нескольких людей уцмий. Сурхай потерпел недавно неудачу под Гянжой, теперь же он и Хаджи-Дауд склоняют уцмий, Муртузали и других укрывающихся в Шемахе дагестанских владетелей выступит против России. Шамхал же сложившуюся обстановку использует с выгодой для себя.

16 августа армия Петра I выступила из Тарков в сторону Дербента, являвшегося наиболее важным объектом кампании 1722 г. «При движении из Тарков в Дербент, – писал В. Комаров, – войска наши понесли некоторый урон от неприятельских действий уцмий Каракайтагского и Султан-Махмуда Утемышского, которые, хотя оказывали всякое доброхотство коему, но в сие время поступили неприятельски» (*Комаров В.В.*, 1867. Кн. 4. С. 14). Когда русские войска дошли до границ Утамышского владения, его правитель султан Махмуд – подданный уцмий,

по его приказанию, «...собрав из тех районов и округов до шести тысяч войска, приготовился сразиться с русскими» (*Алкадари Г.Э.*, 1994. С. 76; Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв., 1992. С. 200; *Соймонов Ф.И.*, 1763. С. 31). В результате сражения войска уцмий Кайтага и султана Утамышского были разгромлены. Число убитых и раненых достигало 1000 человек (О Персидском походе при государе Петре Великом бывшем. 1899. С. 484).

Однозначных данных о количестве войск, участвовавших в нападении на русское войско, нет. Так, А.-К. Бакиханов также говорил о 16 тыс. «как своего, так и кайтагского» (*Бакиханов А.К.*, 1926. С. 105). О 16 тысячном войске, которое возглавлял султан Махмуд, сообщал и Ф.И. Соймонов (*Соймонов Ф.И.*, 1763. С. 31). Согласно же данным П.Г. Буткова, «явилось на отемышских горах неприятелей до 10 тысяч человек под начальством Мегти-Бега, Якши-Бега и Айтемур-Бега, подданных отемышских и усмейских, из которых почти половина было пехота» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. I. С. 21).

По существующим данным видно, что вместе с уцмием в сражении с войсками Петра I участвовали и другие дагестанские владетели. Из допросов пленных стало известно, что среди нападавших на российские войска были не только подданные султана и уцмий, но и других владений, таких, как Акуша, Гапшима, Кубачи, Губден и даже из Казикумуха. Один из пленников сообщал, что в нападении на российские войска участвовали даже табасаранцы (Допросные пленников похода Петра I в Персию... Л. 211, 231, 232; Грамота-перевод шамхала Адиль-Гирея к Петру I... Л. 21–22).

Между тем уцмий Кайтагский Ахмед-хан, испортив отношения с шамхалом Адиль-Гиреем, заблаговременно удалился в Шемаху, чтобы быть подальше от Петра – покровителя шамхала. Убедившись, что Петра I интересуют Дербент и торговый путь, и, заручившись поддержкой других владетелей, он вернулся в Кайтаг. «Вековой политический опыт показывал ему, – писал Р.М. Магомедов, – что нельзя позволять иноземцам закрепляться на территории Дагестана, строить тут крепости и т.п., его дед и отец отважно сражались из-за этого с Ираном. Но исход столкновения со 100-тысячной армией Петра I был неясен, и вот уцмий Ахмед-хан находит возможность сделать это чужими руками, а затем в зависимости от результата строить свои действия» (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч.2. С. 74). 19 августа его вассал Махмуд был разбит, а через 4 дня, 23 августа, уцмий уже направляет Петру прошение о принятии его на «царскую службу».

Пройдя через владения уцмий Кайтагского, 23 августа русские войска, предводительствуемые Петром I, без боя вступили в Дербент (Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. 1988. С.39). Обстановка благоприятствовала продвижению войск Петра I на юг. Однако случилось непредвиденное: возникшие затруднения в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, косившая солдат эпидемия и падеж лошадей вынудили Петра отказаться от продолжения похода (Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. 1988. С.45). Но кроме этих причин, как отмечает О.П. Маркова, была и другая причина прекращения похода: «Петр I ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией» (*Маркова О.П.*, 1966. С. 27).

Оставив гарнизон в Дербенте и в ретрашментах на Рубасе, Дарбаге, Бойнаке и Тарках, 7 сентября Петр I выступил в Астрахань. По указанию императора на Сулаке была заложена новая крепость – Святой Крест. Тарковский правитель Адиль-Гирей был утвержден в звании шамхала Дагестана с подчинением ему всех

местных владетелей и передачей жилищ и земель султана Махмуда Утамышского (Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. 1958. С.267–268).

Назначив командующим всеми оставшимися на Кавказе гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. с основными силами Петр I отплыл в Астрахань. В результате проведенной им кампании Россия установила контроль над дагестанским и ширванским побережьем Каспия. Возвращавшиеся сухопутным путем вслед за Петром войска подвергались постоянным атакам, по большей части организованным уцмием Ахмед-ханом, которые наносили существенный урон войскам и сказывались самым действенным образом на боеспособности отрядов. Один из участников похода Брюс сообщал, что уцмий Кайтагский и Султан Утамышский собрали до 20 тыс. человек для нападения на отступавшие войска и в «...течение продолжительного времени тревожили их, не давая отдохнуть. Вследствие чего офицеры и общество от непрерывных походов, бессонных ночей и холода, так устали, что наша армия сделалась совсем слабою к службе» (Из воспоминаний участника похода Петра I... Л. 50).

Не лучше дела обстояли с военными гарнизонами. Шамхал Адиль-Гирей в письме от 23 октября 1722 г. Петру I писал: «... по отшествии вашем злодей и изменник усмей (уцмий. – Авт.) сего сентября в 17 день со своим войском напал на новопостроенную от вас в Кайтаге фортецию, человек с 150 побили и пушки отобрав с собою увез...» (Письмо кумыкского шамхала Петру I... Л. 436). Аналогичное сообщение Петр I получил и от дербентского наиба Имам-Кули-бека в послании от 27 сентября 1722 г.: «... по возвращении вашего величества отсюда построенную по указу вашего величества крепость по реке Дарбаге изменник усмий взял и пред тою крепостью найдено убитых три человека, и прочие все убиты в городе, а которая крепость на Рубасе и к той собравшись Мясум (майсум. – А.М.) через три дня приступил и бился, в которой баталии человека с четыре из казаков убили и восемь человек из солдат ранили и слышали мы, что Дауд-бек собравшись многочисленным намерены к тому городу приступать» (Из донесения астраханского губернатора А.П. Волынского в Коллегию иностранных дел... Л. 134). Из сообщения видно, что кроме уцмий участие в нападениях на военные укрепления принимали и другие дагестанские владетели.

По некоторым сведениям, Турция, обеспокоенная продвижением Петра I в прежнюю сферу влияния Ирана, собираясь объявить войну России и двинуть свои армии в Закавказье, начала засылать своих эмиссаров в Ширван и Дагестан. Кайтагский уцмий и утамышский султан также были обнадежены, что турецкое наступление и военная помощь не за горами. Возможно, этим и объясняются их столь активные действия против русских войск (Магомедов Р.М., 1999. Ч.2. С. 76).

Военные действия против русских войск повторялись все чаще и чаще. Не прошло и месяца с момента взятия крепости на реке Дарбаге, как Петр I получил новое сообщение от дербентского наиба о нападении уцмий Ахмед-хана, султана Махмуда Утамышского, Дауд-бека с табасаранскими жителями на крепость Рубас (Запись в журнале консула в Персии С. Аврамова... Л. 123). За такое отношение к русским войскам уцмий был жестоко наказан. Петр I в послании Сенату об этом пишет следующее: «...в крепости Святой Крест к нам присоединились калмыки, которые тот час же были отправлены с 1000 человек донских казаков для большого наказания уцмий, тревожившего нас и при обратном движении, которого намерены сами посетить, но за скудностью и худобою оставших лошадей того учинить не могли» (Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник до-

кументов. С.45).

Посланный отряд под командованием атамана Краснощекова разбил на всех пунктах неприятеля, разорил до основания все селения в Нижнем Кайтаге, но, получив вновь огромную добычу разного рода, имуществом и скотом, возвратился к армии с 350 человек пленных (*Богуславский Л.*, 1892. Т.І. С.3; *Соймонов Ф.И.*, 1763; С. 95; *Комаров В.*, 1867. Кн.4. С .576).

Но эта акция русских властей не только не остановила уцмия, наоборот, подтолкнула его к еще более активным действиям. Отношения с Петром I были испорчены серьезно. Это видно хотя бы по инструкции, посланной царем в ноябре 1722 г. генерал-майору Матюшкину: «...ежели кто из горских владельцев будет искать нашей протекции, то оных принимать – кроме уцмия и утамышского владельцев как нам противных... Драгунам конным надлежит с казаками действовать и, как только возможно, разорять уцмия и прочих противных – также помогать дербентцам в их нуждах, прикрывая их полевые работы...» (*Комаров В.*, 1867. №...С. 595–596).

Ахмед-хан действительно подвергал частым нападениям Дербент и разорял близлежащие деревни. Хаджи-Дауд и уцмий атаковали город с севера и юга. Хаджи-Дауд вскоре ушел, а уцмий, потеряв незначительное количество своих воинов, до ноября сжигал поля и уничтожал дербентские сады (Лист-перевод дербентского наиба Имам-кули-бека к Петру I... Л. 239).

Все это привело к тому, что в Дербенте стало катастрофически не хватать продовольствия, «...в съестных припасах находимся зело в скудности, понеже пашни от таких нападений не имеем и пребываем всегда взаперти», – писал дербентский наиб Петру I. Вместе с этим ухудшались отношения уцмия Ахмед-хана с Сурхай-ханом Казикумухским. Дело дошло до того, что «Сурхай имел баталию з бездельником усмеем» («Лист» дербентского наиба Имам-кули-бека к Петру I... Л. 356). По сообщению дербентского наиба Петру I незадолго до этого «Сурхай имел пересылки с усмеем и объявил ему усмею, что желает служить его императорскому величеству и намерен с помощью божиею искоренять противников» (Письмо от дербентского наиба Имам-кули-бека к тайному советнику П.А. Толстому... Л. 241).

Но чем же объяснить столь преданное отношение Сурхая к императору России? Вполне возможно, что Сурхай-хан пытался использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Известно, что после шемахинских событий Турция назначила наместником Ширвана не его, а Хаджи-Дауда. А это очень сильно задело Сурхая и разрушило его планы овладения Ширваном. В этом-то он хотел опереться на Россию. А «искоренением» уцмия он рассчитывал на милость императора и помощь в деле реализации своего плана. Помимо этого Сурхая раздражало еще одно обстоятельство, свет на которое проливает его письмо дербентскому наibu: «Я был с согласия шамхальского иттить на усмею войною, чтоб его усмею из жилищ своего выгнать, такмо из тамошних народов, а именно Коба, Калхана, Роста, Максут-пашу и Хаджи-Дауда, усмей своим лукавством привел их, чтоб они не допустили нас к горам... а вышеозначенные народы Коба, Калхан, Роста... с усмеем держут пересылки...» («Лист» дербентского наиба Имам-кули-бека к Петру I... Л. 357).

Отсюда видно, что Сурхай-хана не совсем устраивало пребывание уцмия в этих краях, а еще больше его озлобляло лояльное отношение их жителей к уцмию, что не могло не мешать Сурхай-хану в осуществлении своего плана в отношении Ширвана. Далее продолжает Сурхай-хан: «...объявлено вам, что я ныне

еду в Кумыки, а усмей хочет де ехать в Кайтаки чтоб нам согласитца с вами божим милосердием ево усмея искоренить...» (Письмо от дербентского наиба Имам-кули бека к тайному советнику П.А. Толстому... Л. 241). Из письма видно, что отношения уцмий с шамхалом были также не очень хорошими. Подтверждением тому служит донесение Адиль-Гирея Петру I: «...изменник усмей с изменником Даудом приступили к городу Дербени, чтоб его взять, о чем, я уведав, пожалованные от в.в. мне деньги и прочее и заняв еще сверх того впятеро больше, раздал все некоторым людям, и напал на тех неприятелей изменников» (Сообщение шамхала Адиль-Гирея Петру I о нападении Дауд-бека на Дербент и Баку... Л. 142).

Такие «натянутые» отношения между крупнейшими дагестанскими владельцами продолжались недолго. В июне 1723 г. развернулось турецкое наступление в Закавказье. Дагестанские владельцы, забыв старые обиды, решили воспользоваться моментом. Планы их выходили далеко за рамки обычных грабительских набегов. Речь шла о разделе Ширвана. Вот что писал дербентский наиб Имам-кулибек Петру I в этой связи: «...сын шамхала, да сын усмейский в урочище Худат для некоторых разговоров остановились и ширванскую провинцию между собою разделили так, что быть Шемахе и Баке за шамахлом, да Мюскюр, Шабран быть за Давудом, да Кубе и Калхан быть за усмеем, а городу Дербене за маасумом...» (Экстрат писем полученных от господина генерал-майора Матюшкина из Астрахани... Л. 256; Донесение дербентского наиба Имам-кули-бека Петру I о положении дел на Восточном Кавказе... Л. 154).

Одновременно с этим русские власти получили сведения о том, что дагестанские владельцы планируют нападение на крепость Святой Крест: «...тарковский Алдигирей шамхал, – сказано в источнике, – соединился з Дауд-беком, усмеем и Сурхаем хотят идти войною на новопостроенные крепости в чем де между себя и души дали, и так между собою говорили, что войско российское сюда не подобро пришло лутче де нам собрався всю учинить на них войну... а шемхала де Алдигирея сын, да сын усмея посланы в Шемаху для того, чтобы турецкое войско привести сюда... такмо де шамхал Тарковский тем их утверждает, пока хлеб с поля уберут то де с генералом Кропотовым станем пересылаться письмами, а как хлеба с поля уберут и провианту наготовим, то на себя будет ждаться генерала Кропотова или собрався сами на него пайдем...» (Донесение Чопан-шамхала генерал-майору Г.С. Кропотову... Л. 459). Тем временем уцмий оставил Кайтаг и отправился в Ширван, но вместе с этим он пытался отгородить свое владение от возможных повторных нападений царских войск. Поэтому одновременно он вступил в переговоры с русскими властями о вступлении в российское подданство (Сообщение шамхала Адиль-Гирея Петру I... Л. 148). При этом он энергично действовал в Ширване. Источники свидетельствуют, что за это время у шамхала и уцмий было уже три сражения с шемахинцами, в которых последние потерпели поражение (Грамота Петра I кумыкскому шамхалу... Л. 448). По этой причине шемахинцы вынуждены были пойти на определенные уступки: «...шемахинцы принуждены были договор учинить с шевкалом и усмеем под присягою дабы шемахинцы приняли детей шевкаловых, сына усмеева в Шемаху наипами, что от шемахинцов и дозволено, к тому ж подарили шевкала и усмея двумя лошадьми и сот на пять парчей и прочего...» (Донесение шамхала генерал-майору Кропотову... Л. 467). Но детей своих шамхал и уцмий здесь не оставили, потому что в Шемаху пребыл турецкий комендант Алибей.

В это же время русские власти получили известие о том, что дагестанские

владельцы готовят крупный военный поход в Грузию и Армению: «...тавлинцы и усмийцы и протчих владельцев татары собравшись еще на святой неделе во многих тысячах и пошли де на грузинцев и на армян...», – сказано в источнике (Донесение шамхала генерал-майору Кропотову... Л. 378). Объясняли они это тем, что «...великороссийские войска в горы ходить не может с пушками и пехотою им нечего в горах не могут для того что де пушек с собою вывезти не возможно, а грузинцы и армяне люд конный, а с войском де великороссийским имеют согласие, а будут де они в горах чинить великую обиду, а когда де тех грузинцев и армян они искореняет тем своим татарским войском в то де время как можно все за одно будем де бить на войско великороссийское...» (Донесение шамхала генерал-майору Кропотову... Л. 378).

Из сообщения ясно прослеживаются замыслы дагестанских владельцев. Они готовили крупную военную акцию, направленную против российских войск в Дагестане. Вместе с тем они не забывали обезопасить себя от возможного нападения со стороны союзников России в этом регионе – Грузии и Армении.

Между тем продолжались переговоры уцмий с русскими властями о принятии его в российское подданство, которое уцмий затягивал под различными предлогами. По-видимому, Ахмед-хан учитывал и высадку русских войск в Баку, Сальянах, Реште и русско-иранский договор 1723 г. с ожидаемой передачей России владений Ирана к западу и югу от Каспия, и турецкое наступление 1723 г. в Закавказье. 12 июня 1724 г. в Константинополе был подписан русско-турецкий договор о разграничении сфер влияния на Кавказе. По условиям договора в российскую зону вошли все земли в районе Дербента на 22 часа езды верхом от берега моря.

Сыграть на противоречиях противоборствующих сторон у Ахмед-хана вроде не было необходимости. Возможно, его намерение открытого военного выступления вместе с шамхалом и другими против России было последней попыткой сохранить свою самостоятельность. Но осторожный Ахмед-хан решил сделать это чужими руками, он обещал поддержать выступление шамхала Адиль-Гирея, однако когда это случилось, Ахмед-хан вновь не выполнил своего обещания и не присоединился к Адиль-Гирею, как раньше он поступил с султаном Махмудом Утамышским. О тех событиях И.-Г. Гербер писал так: «Сей усмий Ахмед-хан человек лукавой и неглупой; он чрез свой подговор много к тому помогал, что шамхал против России збунтовал, и хотя он обязался с войском своим с шамхалом соединиться, однако ж он в то дело не вмешивался и сидел тихо, ожидая, будут ли турки по обещанию Даудбека, шамхалу в помощь; а как он увидел, что турки то не исполнили, а российское войско на шамхала пошло, то поддался он Российской империи и присягу учинил и для того сохранен остался» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 95). П.Г. Бутков также утверждал, что «усмий Ахмед-хан, будучи человеком хитрым... принуждал шамхала к возмущению и обещал ему вспоможение, хотя оно и не дал» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. I. С. 21).

Как известно, попытка Адиль-Гирея захватить крепость Святой Крест окончилась провалом, его отряды были разбиты, а он сам пленен и выслан в Россию. Вскоре после этого уцмий Кайтага вновь «изъявил покорность» российскому правительству, дал присягу в верности со своими сыновьями и старшинами и представил аманатов в Дербентскую крепость (*Зиссерман А.*, 1881. Т. I. С. 10). Следует отметить, что кубачинцы присягнули с уцмием в 1725 г. Через год при «помощи» уцмий присягнули и акушинцы (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 95).

Уцмий Ахмед-хан обманным путем сначала подтолкнул шамхала на выступ-

ление против России, сам оставаясь в стороне, а после его гибели превратился в сильнейшего из владетелей Дагестана. Затем он втянул в выступление акушинцев, но оставил их лицом к лицу с противником, на сторону которого сам и перешел, а потом, пугая их неизбежной расправой, превратил в своих подданных (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 88). В итоге статус Акуша-Дарго И.-Г. Гербер определял так: «Под Российскою империей, под ведением уцмеева с 1725 года, а прежде сего вольные люди... Каждая деревня имеет своего старшину, который ныне усмею послушны, только он, уцмей, с ними вежливо поступать принужден, ибо оные (т.е. акушинцы. – Авт.) себя подданными числить не дают... Податей никаких ни государю, ни усмею не платят, только по его требованию к войне собираются против платы (т.е. за плату. – Авт.) или надеянием на добычу» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 95).

Действуя такими методами, ловко используя ситуацию, уцмий Ахмед-хан значительно расширил пределы своих владений и поднял свой статус. Тот же И.-Г. Гербер свидетельствует: «Владелец усмей, имя ево Ахмед-хан, он себя также называет и пишет ханом хайдаким и карахайтаким. Усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне еще в великом почтении. От оного зависят с некоторыми договорами султан Мамут Утямиш, Кубяша, Акуша и несколько таулинцов» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 95).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдуллаев Г.Б.*, 1965. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку.
- Алиев Ф.М.*, 1975. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку.
- Алкадари Г.-Э.*, 1994. Асари Дагестан. Махачкала.
- Бакиханов А.-К.*, 1991. Гюлистан-и-Ирам. Баку.
- Богуславский Л.*, 1892. История Апшеронского полка. 1700–1892. СПб. Т. I.
- Брикнер А.Г.*, 1882. История Петра Великого. СПб., Т. II.
- Бутков П.Г.*, 1869. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. Ч. I.
- Гаджиев В.Г.*, 1963. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, Т. XI.
- Гаджиев В.Г.*, 1965. Роль России в истории Дагестана. М.
- Гасанов М.Р.*, 1997. История Дагестана с древности до конца XVIII в. Махачкала.
- Гасанов М.Р.*, 1995. Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону. №2
- Гербер И.-Г.*, 1958. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М.
- Грамота Петра I кумыкскому шамхалу Адиль-Гирею о решении правительства возвратить пленных дагестанцев, если все народы Дагестана покажут свою верность России // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.
- Грамота-перевод шамхала Адиль-Гирея к Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436.
- Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. 1992. Махачкала.

Донесение дербентского наиба Имам-кули-бека Петру I о положении дел на Восточном Кавказе // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278.

Донесение шамхала через узденя Хан-Мурзу Сазарукина генерал-майору Кропотову Г.С. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 338; Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.

Допросные пленного похода Петра I в Персию. Август 1722г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 560.

Журнал посланника А.П. Волынского 1715–1718 гг. // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. 1929. Баку. № 8. Вып. 6.

Запись в журнале консула в Персии С. Аврамова // ^{РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1.} Оп. 1. Д. 59.

Зиссерман А., 1881. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Бяратинского полка. СПб. Т. I.

Из воспоминаний участника похода Петра I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 58.

Из донесения астраханского губернатора А.П. Волынского в Коллегию иностранных дел // ^{РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1.} Д. 59.

Из допроса выходца из Грузии Ф. Георгиева о намерении лезгинского владельца Даудбека, Казикумухского Сурхай-хана и уцмья Кайтагского напасть на царские войска в Дагестане // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 322.

История Азербайджана. 1958. Баку. Т. I.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1998. М.

Касумов Р.М., 1999. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.

Комаров В.В., 1867. Персидская война 1722–1725 гг. (материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. Кн. 4.

Копия с письма, какова послана к шевкалу Алдигирею от бригадира князя Бяратинского через служителя ево Абдулла-бека // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 560.

Левиатов И.Н., 1948. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку.

Лист-перевод дербентского наиба Имам-кули-бека к Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.

Лыцов В.П., 1951. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М.

Магомедов Н.А., 1998. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала Т. II.

Магомедов Р.М., 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала.

Маркова О.П., 1966. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.

О борьбе дагестанских горцев против иранских завоевателей. Анонимная хроника // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 195.

О персидском походе при государе Петре Великом бывшем. 1899. Оттиск из журнала «Русский архив». № 12.

Потто В., 1899. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис.

Письмо шамхала Адиль-Гирея канцлеру Г.П. Головкину о нападении Казикумухского Сурхай-хана, лезгинского владельца Даудбека и Усмея Кайтагского на Дербент и Шемаху // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.434.

Письмо Андрея Лопухина из Тарков в 1722 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 436.

Письмо крымского Сеанет-Гирей-хана шамхалу Адиль-Гирею с воззванием о «священной войне» против русских // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 322.

Письмо кумыкского шамхала Адиль-Гирея Петру I о нападении войска уцмия на крепость в Кайтаге // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 322.

Письмо дербентского наиба Имам-кули-бека к Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 560.

Письмо от дербентского наиба Имам-кули-бека к тайному советнику П.А. Толстому // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 60.

Письмо Чабан-шамхала и эндирейских владельцев Петру I о готовности быть на русской службе // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 434.

Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. 1958. Документы и материалы. Махачкала.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. 1988. Сборник документов. М.

Соймонов Ф.И., 1763. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого. СПб.

Соловьев С.М., 1963. История России. М. Кн. 9. Т. 18.

Сообщение шамхала Адиль-Гирея Петру I о нападении Дауд-бека на Дербент и Баку и о принятых им мерах // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 278.

Сотавов Н.А., 1991. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII века. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700-1774 гг. М.

Тамай А.К. К истории изгнания иранских захватчиков из Дагестана и Северного Азербайджана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д. 6.

Фадеев А.В., 1961. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.

Хроника войн Джара в XVIII столетии. 1931. Баку, 1931.

Экстрат из писем, полученных от господина генерал-майора Матюшкина из Астрахани // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 60.